

United States Holocaust Memorial Museum
Oral History Interview
Belarusian Witnesses Documentation
Project

RG-50.674.0055.01.02

Аркадий Змачинский

20 августа 2011

Таре #1

- Добрый день и спасибо Вам большое, что Вы согласились с нами встретиться. Я бы хотела Вас попросить, чтоб Вы представились – как Ваше имя и фамилия?
- Змачинский Аркадий Владимирович.
- А в котором году Вы родились?
- В 1928-м, 3-го января.
- И где?
- В Столбцах.
- Если Вы помните, несколько месяцев назад к Вам приезжали мои коллеги. Вы рассказывали свои воспоминания, и вот мы сегодня приехали, чтобы записать эти воспоминания.
- Ясно.
- Чтобы они остались. Вот. Поэтому, как говорится, хочется Вас спросить о старых временах, о Столбцах. Я знаю, что Вы старый житель Столбцов и интересуетесь историей Столбцов.
- Ну что я Вам могу сказать. Надо немножко с истории возрождения Столбцов. Еще в 19..., нет в 1568 году был исвеженский еврей, построил здесь корчму, на берегу Немана. Почему? Потому что płyтагоны гнали, князя Радзивила płyтагоны гнали лес, в Прибалтику, для постройки кораблей – тогда корабли строили. Вот. Поэтому здесь такое место хорошее, что надо можно было сойти с Немана с течения воды на тихую воду. А здесь было болото и впадала речка Ольховка в Неман. Очень хорошее место сходить płyтам с течения основного Немана. Основного течения. Поэтому

еврей заметил это дело, что здесь останавливаются на ночлег
плытагоны и решил построить корчму. А потом построили, это,
паром. Почему, потому что князь Николай Служка построил здесь, в
Ковалевщине имение, двор, имение. И поэтому к этому имению надо
был подъезд, вот они сделали переправу через Неман для подъезда к
этому зданию маентка этого царского, этого княжеского.

- Получается, что евреи были основателями... основателями
Столбцов?
- Так вот евреи...это первый еврей построил эту самую корчму еврей
был. И потом, когда корчма стала работать и построили эту... паром,
стали сюда другие евреи наезжать и останавливаться. Отсюда, со
Свержина. И строить дамы, и вот улица первая Пионерская – она вся
застроена была одними евреями. Вот. До площади. И площадь потом
разбили площадь, и площадь тоже вкруговую по контуру была
застроена только евреями.
- А вот вы 28-го года рождения...
- Ага.
- И наверно Вы помните, ну, детские воспоминания – как Столбцы
выглядели тогда?
- Я вам сейчас скажу. Вот. В 1568 году, как я Вам сказал, была
корчма. Эту корчму можно считать первым зданием города
Столбцы. От нее пошли, значит, дома евреев, которые впоследствии
начали сюда переезжать. Они поняли, что здесь удобное место и
начали распространяться. Застраиваться. Начали строить магазины.
Вот посередине улицы этой, Пионерской, первой улицы – там и
сейчас стоит синагога. Осталась с тех времен. В ней сейчас
находится коммунхоз. А раньше это было, до 39-го года, даже не до
39-го, до 41-го года там была эта самая, ну еврейская эта синагога.

Вот. А тут вот на площади жил грабин, который смотрел эту синагогу. Вот. Ну и вся площадь, как я вам сказал, была застроена евреями. И начали строиться всякие магазины. И в 1593-м году жена князя Александра... Николая Служки, который начал строительство этого маентка, запросила у короля польского разрешения здесь устроить ярмарки. Вот. И две ярмарки.

- Имеется в виду, что нас больше интересуют Ваши воспоминания. То есть, то есть мы хотели бы попросить чтоб немножко...
- Сократить...
- От исторических сведений перейти в то, как выглядели Столбцы до 39-го года.
- Вот я Вам и хочу это сказать как раз. Вот. Начались кирмаши. Это получилось первое, как говориться, уже мястэчка. Потому что раз были кирмаши, это уже мястэчка. И тогда начался князь, его сын Александр Служка, начал усиленно строить город. Начал. При нем построили. Он же построил костел, был тут костел большой, его сейчас нету, его разбросали. Построил потом князь, после него был князь Черно?????, который той построил церковь, вот которая стоит сейчас, и назвали ее Анненской. А почему Анненской? Потому что князя жена и теща Анны были, вот почему ее назвали Анненской. Вот так город распространялся., строился, в основном были евреи. Потом начали сюда заезжать и другие, ну, белорусы, литвины тогда назывались и начал город распространяться. Почему? Потому что у князя Служки было ж много земли. А обрабатывать-то князь и не обрабатывал. Поэтому начала наезжать как бы обслуга маентка. И вот так начал расти, начали расти Столбцы.
- Ясно. А давайте перейдем сейчас в 30-е годы. Как в 30-е годы вот ваши...

- В 30-х годах, это после первой мировой войны, город был немного спален, но евреи, как Вы знаете, везде быстро начали отстраиваться, ведь тут большинство было тогда евреев. Но потом постепенно начал уменьшаться. Начали наезжать люди – поляки тут, и белорусы, и русские, вот. И поэтому в 30-х годах, это было под Польшей мы были, вот, было очень много евреев. Приблизительно 40% населения Столбцов были одни евреи.
- А остальные кто были?
- Остальные тут и белорусы, и поляки, и украинцы – тут всякие были, но это понемногу. В основном были белорусы и поляки – вот это основная была национальность.
- И как было, как раскладывалась между ними жизнь?
- И жили, я Вам скажу, что жили очень хорошо. Вот даже моя мать – это 30... ну 30-е годы как раз, вот. Она была учительницей, но она шила немного на машине и у евреев покупала материал. Ведь все евреи, они торговали. Лавочки все были, магазины были и закусовые там, рестораны – это все было еврейское. И вот она с ними тоже хорошо жила. И потом она в 39-м году захотела сама торговать. Вот. Пошла к еврейке, которая покупала материалы и она ей сказала... дала адрес фабрики в Жиголдовке (непонятно), вот, там мать написала туда письмо и получила книжечки с материалами и цены ну и там начала выписывать материалы. Ну приехал представитель, еврей тоже из Польши с этой фабрики, заключил договор на поставку материалов. Вот. И у нас возник вопрос – строить лавочку хотели строить. Но тут как раз война, 39-й год. Началась война и так все... Правда, получили несколько материалов, но на этом уже все и остановилось, потому что война кончилась... началась война. Вот такое было начало. Но до 39-го года у нас все евреи здесь в основном торговали. Были вот и Брогины там, и

Конторовичи, Мирские – все это торгаши, как мы называем. Вот. В 39-м... в этих 30-х годах почему-то, не знаю, жили все с евреями хорошо. Но почему-то возникла какая-то вот еврейская организация «бунт», и они собрались, одели форму – коричневую форму, белые тут околыши на шапках у них был с голубой полосочкой и с флагами – белые флаги были, помню, голубые ленты были на флагах – вот и с транспарантами вышли на демонстрацию.

- А Вы видели эту демонстрацию?
- Ну здесь вот, в городе на площади. Вышли. Я видел все, я ж рассказываю то, что я видел. Вышли на демонстрацию. Тогда полицейские... появились полицейские и начали кричать, значит – разойдитесь, разойдитесь. Они разошлись. Но после этого, почему-то, я не знаю, не помню только что было написано на транспарантах, чего они добивались, после этого началось на них небольшое гонение. Например, с гимназии повыгоняли гимназистов евреев, потом были плакаты (непонятно) – это такой их плакат, Вы извините, что я называю так. Это значит, не покупай у евреев. Но евреи, знаете, евреи материалы делали немножко дешевле и все равно народ покупал у них и они прекрасно жили. И наши все, вот моя мать, например, и другие люди жили очень хорошо с евреями. Больше других претензий никаких к ним не было. А вот уже в 30... 41-м году, 40-41-м году, когда началась война с Польшей, немцы с Польшей, наши пошли, как говорят, освобождать Западную Белоруссию и Украину и освободили Столбцы.
- Извините, наши – это кто?
- Советский Союз.
- Освобождать от кого?

- Как? Освободить от поляков. Выходит, от поляков. Хотя нас никто, как наши люди говорят, никто этого не просил. Вот. Но, такая была политика тогда, в то время, вот. Тогда случилось немножко, начались натягиваться отношения с евреями. Почему? Потому что как-то одни за тех, другие за тех начали спорить, и вот немножко. Но это так, между собой. Вот. Ну а потом пришли немцы, в 41-м году. 22-го июня началась война и 26-го июня пришли сюда немцы. Когда немцы пришли – я буду коротенько – тогда было гонение на евреев, началось, вот. Но первое было объявление носить желтые латы спереди и сзади на спине а потом были поменяли латы на шестигранные звезды желтые и нельзя было евреям ходить по тротуарам, только по проезжей части.
- И это тоже было объявление?
- Да, немцы...
- А в чем выражалось это объявление? Словами или плакат был?
- Листовки расклеивали по городу, листовки. Вот. Ну и евреи начали ходить по проезжей части с этими латами, еще раньше звезд не было. Ну вот я вам говорю, что сюда прибыли войска литовские, которые с немцами были, и латышские, ну потом итальянцы еще приезжали. Но вот эти особенно, как вот литовцы, они ездили на партизан и латыши ездили на партизан. Так вот литовцы почему-то по городу идут – они евреев не трогали, идет еврей по улице, они евреев не трогали. А вот латыши почему-то, как увидят идет еврей по улице – подойдут и его побьют. И сами пойдут. И я вот малый это видел и удивлялся – почему это такая ненависть, идет человек не трогает, а они на него нападают.
- А откуда Вы знали, что это литовцы, это латыши?

- Это мы знали. Почему-то? Потому что они были в форме. Литовцы – у них своя форма была. Ведь у немцев своя форма, у литовцев – своя, это которые с немцами были, у латышей своя была форма. Ну латышей мы чем понимали, знали – они ходили в касках. Немцы ходили без рожков, а это такие же каски были как и у немцев, но только здесь рога были. Вот мы знали – идет с рогами, потом светло-зеленая форма – значит латыш. Мы это знали все.
- А литовская форма была какая?
- А у литовцев тоже была зеленая форма, но у них была более мягкая, у них шапочки были, они ходили без касок и у них были такие плотные шапочки с козыречком.
- А как Вы могли бы определить примерно ну сколько было немцев, сколько было литовцев, сколько латышей?
- А это...
- Определить, ну примерно.
- Приблизительно я Вам скажу. Литовцев было где-то рота. А латышей было видимо около батальона. Больше было. И они ездили все на этих, на партизан, в лесу партизаны образовались...
- А немцев было сколько?
- Сразу когда немцы пришли, они пошли на Минск, здесь не задержались, только до обеда. Бой был только с утра до обеда. И дальше они двинулись на Минск. И сутки не было вообще немцев. А потом через сутки появилась какая-то часть немецкая. А еще через сутки убили здесь немца и немцы начали тогда бегать по улицам расстреливать людей. И много погибло наших людей. Не евреев, а людей – обычных. Мужчин. Они мужчин убивали, а женщин на сторонку отставляли. Это они мстили за убитого немца.
- И сколько они побили тогда людей примерно?

- Тогда много, человек было объявление на листовках написано, что за одного немца погибнет двадцать гражданских. Но, конечно, они набили больше двадцати. Потому что они не смотрели. Вот моего деда убили. Вот, ее вот этой женщины, что мы в ее хате сейчас сидим, ее отца убили. Это на третий день, когда уже наехали немцы, когда убили немцы.
- Как они их убивали, что на улице просто?
- Просто вот так вот идут где женщины, дети и мужчины – мужчин в сторонку, женщин в сторонку, мужчин расстреливали и дальше бежали. Бежали по улице. Просто бегали по улицам и стреляли людей.
- А вы это видели?
- Видел я. Я, ну как видел, это было утром еще, моего деда убили, я же пришел, гляжу – дед лежит убитый, понимаете, и этот вот сосед убитый был. Вот. И все люди – это ж надо, это ж надо, столько людей побили.
- А этого немца кто убил?
- Это была часть какая-то немецкая...
- Я понимаю, кто убил за которого мстили? Как он погиб, этот немец, как его убили?
- Неизвестно. Утром на улице появился убитый немец. Как его убили? Ну, по рассказам людей, говорят, что коммунисты где-то из-за угла убили одного немца. Ну, что они сделали? Ничего они не сделали, но людей погубили много, многих местных. Ну а потом дальше началось уже организовывать гетто. Вот наша улица как раз, вот эта Гагарина вся улица и к церкви, а там поля были. Вот там по полям шла эта, забор проволочный и около церкви были ворота в гетто. И там... ну а поскольку много домов сгорело, там же все люди жили,

начали выгонять людей, наших белорусов, оттуда и заселять туда евреев. Но поскольку домов было мало, жилья, построили на скорую руку двухэтажное деревянное здание и туда поместили евреев семью, ну, в одну комнатку небольшую – семью, в комнатку – семью. И так организовали вот это гетто. Ну а с гетто людей гоняли на работы. На железную дорогу гоняли, лесопильный завод был, работали евреи. А потом, значит, что немцы объявили, значит, что нужно на работы в Барановичи рабочая сила – молодые евреи и еврейки. И вот многих людей они отмобилизовали, значит, уже из гетто. И отвезли в товарных вагонах повезли в сторону Баранович. Куда их завезли, мы не знаем, но знаем, что повезли в Барановичи. Через некоторое время наехали сюда немецкая часть СД. У них были (трупьи головки) на голове, на шапках.

- ??
- Череп, череп – черепа. А у нас одна еврейка приходила к моей матери, потому что у нее была зингеровская машина, кое-что пошить, ну и заодно и нам помогала, кое-что перешивала. Мать моя, значит, увидела этих немцев с этими трупьями головками, побежала домой и говорит ей: Куся, Куся, кажется, звалась, знаешь что-то такое у нас в городе, наехало немцев с трупьями головками на шапках, вот, что-то будет, не идите сегодня в гетто, останься у нас ночевать. А мы жили на окраине города, там (..неразборчиво..), сейчас милиция, и во дворе была сторожевка, такое помещение, и мы это помещение заняли, так как наш дом сгорел, поэтому мы заняли эту сторожевку. Так у нас было две комнатки там еще. Так она говорит – останься у нас ночевать. А она говорит – нет, не могу, пойду, потому что в гетто моя мать, если я не приду, она будет волноваться, где я, где пропала. И взяла, ну мать ей давала

провианты, кое-что из еды. Она, значит, взяла это все и пошла в гетто.

- Вот вы сейчас сказали – пошла в гетто. Я все-таки хотела бы уточнить. Может, вы помните – а когда, в какое время года было сооружено это гетто, как скоро после начала войны?
- В 4... гетто было сооружено в 42-м году. В 41-м году еще гетто не было, а в 42-м уже гетто построили, а в конце 42-го года уже расстрелы были.
- В 42-м году это в начале или в середине?
- Гетто было в начале, а расстрелы были к осени, к осени.
- Может Вы могли бы описать, как выглядело это гетто?
- Гетто. Ну, вот я же Вам сказал, что оно было обнесено колючей проволокой, забором из колючей проволоки и возле церкви были ворота, тоже переплетенные накрест колючей проволокой все. И туда только заходили, ну... сто... было, ну не сторож, а часовой, будка часового стояла. Вот так выглядело гетто.
- Значит, если я правильно поняла, гетто охранял один сторожевой в этой будке?
- Да. Так все ж остальное было полностью закрыто. Выхода не было. Выход только был один.
- И там стоял один сторожевой.
- Один сторожевой, ну постовой стоял.
- Хорошо. А теперь скажите, пожалуйста, могли ли евреи выходить из гетто пока они были в этом гетто?
- Могли, потому что на работу они шли. Их же никто не водил, они сами шли. А потом в этом здании гмины, где я вот сказал, мы жили во дворе, остановилась немецкая часть ?ТОД?, они были в коричневой форме. И вот к ним...

- Что такое ТОД?
- Ну я не знаю, что это означает, но это такая была организация немецкая –ТОД. Они ходили в коричневой форме.
- И сколько их было примерно?
- Их было там человек двадцать, не больше. Но к ним приходили, сами приходили евреи, семь человек и три еврейки. Мужчины пилили дрова, рубили дрова, заготовливали на зиму, а еврейки убирали. Немцы уходили на... тут строилась дорога, магистраль, шоссейная дорога. Но начали строить, но не кончили, в 41-м году. Поэтому немцы занимались построением этой дороги и они хотели ее сделать, чтобы было прямое сообщение. Немцы уходили на работы, а у них повар была полька, вдова, варила обеды. А немцы эти привезли соль и начали обменивать у людей птицу на соль, там курей, гусей, уток (качак) на соль. И вот когда немцам на обед рубят этих курей головки эти вот эти как раз еврейки, женщины, приносили моей матери головки от этих курей, куриные головки.
- А что делали эти еврейки вообще у этих немцев?
- Убирали комнаты за немцев, после немцев. Немцы уходили, а комнаты их убирали еврейки.
- Сколько было евреек...
- Три.
- ..которые рубили дрова, и сколько было этих женщин?
- Я ж вам сказал – семь было евреев на дровах и три еврейки. И они приносили моей матери вот эти головки. А мать их шпарила, чистила и в чугунок, добавляла картошку и крупу и варила им же обед. И вот они в обед по одному, нельзя было так чтоб никто не это... придет один, поест, другой придет поест. Вот так мать моя их подкармливала.

- А вот интересно – этот суп ели только эти евреи или Вы тоже ели?
- Нет, это только им мать готовила, мы же ели сало, как говорится. А евреи ж сало не едят. Поэтому птицу эту, шла она только евреям. Но когда после первого расстрела их пустили в гетто, этих молодых людей, которые были на работах. Ну и несколько дней тоже ходили на работы и были в гетто, то уже без родителей, без детей, потому что уже родителей и детей всех побили.
- Минуточку, я все-таки должна Вас остановить. Вы сказали, после первого расстрела, о котором Вы мне ничего не рассказали еще.
- Хорошо. Первый расстрел вот это и был первый расстрел когда немцы наехали эти с трупными головками и мать сказала, и вот эта пошла домой все таки в гетто. И наутро выпустили первых молодежь на работы, а потом оцепили гетто, немцы оцепили гетто и начали... и подогнали три машины брезентом крытые и начали выводить из гетто партиями евреев, там старики, дети и так далее и грузили на машины и отвозили за город а там, уже по словам, я ж там не был – не видел, но по словам других, стояли два пулемета и евреев, которых привозили, выгоняли из машин, ставили в ямы, там была яма длиной сорок метров и шириной три метра. Выгоняли, ставили по бровке этой и с пулеметов стреляли.
- Скажите, пожалуйста, а Вы видели, как выводили людей из гетто?
- Видел, видел я. И вот я Вам..
- Расскажите, пожалуйста, только не торопитесь.
- Я как раз проходил по улице, недалеко от ворот гетто, потому что близко не подойдешь, знаете, сам беспокоишься за себя. Я проходя около этого, как раз вот где церковь, вот эта улица вверх, я шел домой к себе, и шел по этой улице. И вот при мне выводили человек двадцать евреев, там высокие старики такие были все, и впереди шла

старушка. Платок, понимаете, у нее вот так был накинут полностью, она шла и с ней две девочки. Девочки были в белых кроличьих шубках. Одна, бабушка идет вот так вот руки держит, эта держится за руку, прижалась головой к руке и эта с этой стороны – вот идут. Подошли к машине, а я боялся особенно останавливаться, так тихонько шел по улице и смотрю, подошли к машине, и вот да, были там еще с ними в помощи полицейские, так вот их стали подталкивать на машину, а полицейский взял одну девочку, мне было видно, потому что так боком стояла машина, а я так шел вот, взял эту в шубке девочку белой шубке и вот так вот швырнул на машину вот так вот. Ну а там дальше мне невидно было, потому что дальше за машиной.

- А как они залезали в эту машину?
- Там ступеньки были, но их подталкивали. Там же, знаете, грубо так обращались, страшно.
- А какие ступеньки там были?
- Там металлическая такая как лесенка металлическая с двумя поперечками и вот их толкали, они уже на эту, брались за кузов и залазили на машину. Ну их толкали там, винтовками подталкивали. А кто и так. Знаете, как обращались, очень скверно обращались.
- А Вы слышали какие-нибудь голоса, команды какие-нибудь?
- Я Вам скажу, вот шума не было. Евреи, видимо... Здесь был врач еврей Сыркин, так вот мне рассказывали уже люди, что он говорил этим евреям: не надо шуметь, пришел на час и это уже, как говорить, наша вина, и поэтому они вот даже и без шума шли и их толкали и вывозили туда, а там я уже не знаю, на поле я не был, не знаю.
- Хорошо, а те, которые толкали – они толкали без слов? Беззвучно?

- Ну близенько же я не был, понимаете.
- А какое расстояние было вот от того места до ворот?
- Я от них был метров за пятьдесят, не ближе. Ближе не подойдешь, вы знаете, немцы, с немцами шутить нельзя.
- И сколько машин Вы видели тогда?
- Ну я постоял, так пошел тихонько и видел вот эту партию и дальше пошел, потому что останавливаться было страшно. Ну я же, к тому же мне было тринадцать лет, тринадцать с половиной лет.
- Вы видели только одну машину?
- Их было три, но когда я шел, я видел как грузили одну машину и вот этих девочек я видел, поэтому они мне очень запомнились. Я же даже написал стихотворение по этому поводу, понимаете. У вас оно должно быть, я же давал прошлый раз.
- Это коллегам моим, но я поинтересуюсь. Так, и что было тогда дальше?
- Ну вот их возили и там расстреливали, это первый расстрел был. А потом, когда всех вывезли, всех порасстреляли, вот, вечером пустили в гетто эту молодежь, которая вышла на работы. Эти вернулись в гетто.
- Хотела спросить, вот эта молодежь – там были только молодые люди или девушки тоже?
- Ну мужчины и женщины, но молодое, молодежь. Вот эти даже, которые ходили к немцам убирали, тоже они их пустили, понимаете.
- Не поняла, пустили куда?
- В гетто, в гетто.
- А обратно. И тогда, я так понимаю, что те, которые рубили дрова и которые убирали у немцев, они все время проводили там у немцев?
- Работали у немцев.

- Работали.
- Так а видели ли они, как вывозили этих людей?
- Ну я думаю, что видели наверняка, потому что это было слышно и, как говорится, известно было, все ж видели люди, все это видели. Хотя люди не подходили, но видеть-то видели. Я ж тоже видел, шел по улице, тоже видел, понимаете. Я ж вам рассказываю то, что я видел. А вот эти, которые пилили дрова потом пошли в гетто и они что – решили уйти в партизаны. Они что – договорились с моим отцом где спрятаться. Мой отец говорит – вы же пилите дрова, складываете, вы там же и залезьте на чердак а чердак был один, здание где мы жили, а с другой стороны эти помещения были, где складывали дрова. Это такие сарайчики.
- И уточните, пожалуйста, вот где Вы жили помещения расстояние до гетто какое было?
- Не понял.
- От Вашего домика где вы жили до гетто. Какое расстояние было?
- А, до гетто расстояние было метров двести.
- До гетто?
- До гетто, до забора гетто метров двести. Но у нас было окошко, выходило на запад и мне как раз в окошке было хорошо видно забор кирмаша, то есть как он называется, ну базара и (непонятно какое) кладбище. Поэтому я потом вам доскажу позже другое.
- Ну вернемся в этим молодым людям.
- Вот эти евреи, которые приходили, договорились с моим отцом, чтоб идти в партизаны, как уйти в партизаны. Мой отец подсказал, значит, на чердак спрячетесь, а я вам поставлю лестницу с другой стороны. И вот однажды они пришли и принесли с собой одежду. Это переодеться, видимо, без этих звезд. Я так понимаю, потому что

она скручена была одежда. Я видел эту одежду. И вот они после работы не пошли в гетто, а залезли на чердак, к нам на чердак. Семь человек и эти три женщины. Тогда отец меня позвал, это уже под вечер было, ну после работы, позвал и говорит – помоги поставить лестницу, потому что лестница высокая должна была быть, там высокое расстояние. Я поддерживал внизу лестницу, отец поднимал, поставили мы в люк, с другой стороны в люк чердака лестницу и пошли с ним за здание, а там забор был дощатый, мы этот забор... оторвали четыре доски, сделали проход. И все, и так до темна было тихо. А ночью евреи сошли с этой лестницы в эту дыру и прямо по полям, не по дорогам, потому что на дорогах могли попасть, на патруль или еще что, а просто по полю пошли в сторону деревни Ячная. А там уже партизаны. И вот они влились в партизаны. Но у нас в Новом Свержине тоже было гетто, и там эти евреи напали на постового. Тоже так вот постовой был у ворот, напали на его, разоружили и удрало двести человек евреев удрало. Они тоже по полям шли и зашли аж до Налибокской пущи. И там, в Налибокской пуще организовали отряд, вот его звали Туви... звали этого еврея Туви Бельский. Он организовал еврейский партизанский отряд. В пуще, Налибокской пуще. А где это. Это вот есть деревня Клетичи, вот за Клетичи там где-то с полкилометра в лесу был этот еврейский партизанский лагерь.

- А откуда Вы знаете об этом...
- Я был там.
- О восстании и о том, что они убежали из гетто, откуда это знаете Вы?
- Ну об этом, что там был партизанский лагерь... мой отец, уже после войны, работал в леспромхозе, и леспромхоз перевели, был раньше в Окинчицах, а потом перевели в Клетичи, и там лесорубы

наткнулись на этот лагерь и узнали у местных людей, что это еврейский был лагерь. Ну я там был у отца и тоже поинтересовался и меня завели показали.

- Хорошо. Но меня интересует вот это восстание, как появился этот партизанский...
- Лагерь.
- Нет, нет, нет, как, что они удрали оттуда, убили этого, это Вы видели?
- Вы знаете, это с рассказов уже очевидцев, рассказов. Я же слушаю все, что говорят. И я когда пошел в этот лагерь, смотрел я этот лагерь, так меня удивило то, что все землянки были хорошо оборудованы, и главное – двери из досок. И я вот так вот стою и думаю – откуда же они доски в лесу взяли. Ну кругляк то ясно откуда, а доски то откуда? Однако ж, видите, достали доски, двери были дощатые.
- Вернемся к этому эпизоду, когда у Вас ночевали эти семь мужчин и трое женщин и они потом ночью ушли.
- Они ушли, шли, шли, прошли много, это все пешком.
- Вернемся в Ваш дом. Значит, они ушли, они ушли ночью, да и они переоделись?
- Ну ночью ушли и шли ночью, всю ночь.
- Нет, нет, нет, они у Вас на чердаке переоделись если они принесли одежду?
- Ну наверное, наверно, конечно, я уже не знаю, но я думаю так, потому что если бы были латы, так их бы могли задержать.
- А что случилось с их одеждой, которую...
- А эти вот которые переоделись, они переоделись а оставили свою с латами. А моя мать разозлилась, что пусть бы с собой взяли да выбросили где-нибудь, а то они на чердаке оставили, и она послала

меня, я снял эту одежду, которая с латами и принес вниз, а она в печку и сожгла. Моя мать сожгла. Почему? Потому что боялись, немцы-то рядом, чтобы не увидели. Вот такие были вещи.

- Вопрос такой: вот когда произошло это бегство, да через какое то время произошло после вот этого первого расстрела, этого большого когда вывозили?
- Это было все в 1942-м году, к осени.
- Я понимаю, но они бежали ну через неделю или через месяц или когда они бежали?
- Ну я вам сейчас точно не могу сказать, а так я же там не участвовал. Но это все делалось где-то в течение видимо месяца. Потому что первый расстрел, а потом второй был расстрел, вот они между расстрелами убежали, эти люди, которые у нас были на чердаке. Три женщины и семь мужчин. Но фамилий я их не помню. Почему? Потому что они были не наши столбляне. Они были, когда немец наступал на Польшу, они с тех районов Польши сюда в беженство прибыли и у нас в Столбцах жили наехавшие евреи.
- А много у вас было наехавших евреев?
- Ну много, но сколько, конечно, я не знаю. И поэтому эти, которые у нас были на чердаке, они в основном были, там один только был местный, а так все были оттуда. Так я их ни фамилий, ни имен не помню.
- А этого местного помните?
- Кого?
- Местного.
- А этот был Беркович. И Беркович потом из леса пришел, когда освободили город он пришел из леса, но долго не задержался. Почему так пришел из леса... А еще одно. Вот этот Беркович. Он был, у него был магазин часовых... часов и он сам был мастером по

ремонту часов. И вот когда пришли уже большевики в 39-м году магазины частные были запрещены. Тогда этот Беркович что... а уже когда пришли немцы так Беркович, еще до гетто, у себя на огороде, тут его огород недалеко, на огороде под кустом смородины закопал ящик с часами. А сосед вот, Головки, увидел и когда Беркович ушел в гетто, этот пошел откопал эти часы ну и дети уже носили по двое часов на руках носили при немцах. Ну а когда кончилась вот... освобождение произошло и Беркович из леса вернулся так я видел, как он пошел к этому Головки, что они там решали не знаю, но это уже мне неизвестно, как они уладили этот свой вопрос, понимаете, с этими часами. Но часов у них уже не стало, у Головки, уже не стали носить часы. Вот такие вещи. Так вот все эти евреи, которые ушли в партизаны, они вернулись, вернулись, но почему-то, я не знаю почему, в течение буквально двух-трех дней никого не стало. И мне кто-то, не помню, сказал, говорит, в Польшу уехали, Польшу стали освобождать и они двинулись туда в Польшу, потому что они были из тех мест. Может быть и так. Поэтому я больше их никого не встретил.

- Хорошо, и теперь, значит...
- Так, да..
- Подходим что вот гетто еще существует....
- Я хочу, вам рассказал расстрел первый, а не рассказал про второй расстрел. Так вот после того, как эти люди ушли в партизаны, буквально через два дня гетто было оцеплено уже полностью полицейскими и уже немцев не было. И начали, тоже машины подогнаны, начали выводить молодежь уже которая осталась, начали возить тоже туда на расстрел. И удалось двум девушкам, ну я не знаю лет по двадцать пять, ну издалика так я только определял, выбежал и как-то вырвались с гетто и бежали вдоль этого кирмаша

забора. Две, одна была в белой блузке, вторая в темном чем-то там, ну я там особенно, знаете мне да... потому что оцепили гетто, слышались выстрелы. А я был дома, я быстренько в окошко, гляжу и вижу бегут две девушки вдоль забора и слышу выстрел. Но я еще так вот думаю что ж такое, не понял, не знал что это расстреливали, их вывозят на расстрел. Но смотрю одна повернула за кладбище православное, а вторая дальше побежала. И вот эта, что завернула за кладбище, выбежал на углу полицейский и выстрелил в нее, она упала недалеко от нашего забора, упала. Он тогда подошел к ней и вот так вот в нее еще раз выстрелил напрямую, и тогда пошел искать ту. А та добежала, там было гумно Канкалович Любы, гумно, но без ворот, гумно знаете что такое, где збожжа хранят. И она спряталась в этом гумно и он пошел ее отыскал и там убил. А потом на подводе подъехали, забрали этот труп и тот и завезли туда в яму, где расстреливали. И вот тогда расстреляли всех остальных евреев. Это было 23-го сентября 42-го года. Вот вам и вся история про этот расстрел. И больше евреев в Столбцах после того нету. Вот они пришли, которые с лагеря, тоже поуждали все, Берковичи оказались в Австралии, потом этот Мирской оказался в Англии, ну и там уже в Израили есть наши столбляне, и так вот везде.

- Скажите, пожалуйста, а Вы в вот этот второй раз, когда уже молодежь грузили в машины, Вы видели как их грузили?
- Этого я уже не видел. Почему? Потому что я же был дома и через окно только видел вот этих бегущих и как убили этих, а уже как там грузили я уже не видел. Ну, короче, всех увезли, всех расстреляли.
- А может быть могли Вы слышать какой-то звук, шум этих машин или людей?
- Ну я вам скажу, что шум машин был, шум все там, тем более что меня мать не пустила из дома, говорит, куда ты, я хотел бежать в

гумно свое, там гумно было недалеко а мать на меня – куда ты, ты видишь стрелянина, еще попадешься где-нибудь ты, не пустила. Я дома это только что видел это через окошко. Поэтому неслышно мне было, там были звуки, небыли. Да, между прочим, этот дом, вот когда второй раз расстреливали этих молодежь, загорелся этот двухэтажный дом и начался пожар. Ну никто не тушил этот пожар, все этот дом сгорел. А вот года три-четыре тому назад приезжали из Австралии еврейки, евреи молодые и вот меня с ними тоже свели тут. И я с ними разговаривал, одна из них сказала, а мы, говорит, знаем, нам мама рассказывала, что еврей Мицензон с Роспачи поджег вот это двухэтажное здание. Но он погиб, его расстреляли тоже.

- Были ли какие-нибудь разговоры, что во время этого второго расстрела, когда погрузили и увозили, удалось ли кому-нибудь все-таки из этой молодежи бежать?
- Было, говорили мне, я уже не знаю, по рассказам, что одна еврейка будто бы вылезла из ямы, но где она девалась, говорят, что она первое время ходила там среди людей было, но потом тоже исчезла. Куда она девалась – неизвестно. Но был такой случай один.
- То есть никому не удалось сбежать?
- Нет, потому что, видите, во-первых, это поле, яма ж в поле, лес вкруговую и стоят пулеметы.
- Да, я понимаю. Ага, ну-ну...
- Так вот даже были случаи что дети или что-нибудь неубитые попали, но их если не попал в яму, значит толкнут его в яму, понимаете, так что было все, что хотите там.
- А были люди, которые видели яму после расстрела?
- Ну после так видели, после расстрела ее засыпали, эту яму и она так была засыпана до, вот, после войны. А после войны там сделали

капец насыпали и сейчас там насыпан капец и стоит памятник и так далее.

- А вот, я имела ввиду, в гетто, когда вывозили из гетто молодежь, когда был поджог этого дома и, значит, кому-нибудь удалось убежать?
- Так вот кроме вот этих, что я вам рассказал, двух женщин, больше никто, не удалось бежать, потому что выводили по человек десять-пятнадцать людей молодых и под конвоем и было много полицейских, поэтому тут сбежать, видите, тех и то... Я вот так даже помню сейчас: посмотрел я в окно, как увидел эту убили первую, я думаю, какая, думаю, сволочь, ну Бог дал ей возможность удрать, так почему же ее все-таки надо было бежать за ней и убить все-таки. Пусть бы бежала. Вот я малы, и то такое у меня было соображение.
- Так откуда тогда все-таки эти сведения, конкретно кто поджег это все? Ну кто поджег, откуда это известно?
- Так вот этого Менцельзона, как это сказать вам, родственница, молодая родственница из Австралии говорила, что ее мама рассказывала, а мама ее, как Менцельзон, отсюда, при Польше еще в 50... в 35-м году они съехали в Австралию, потому что вот когда был бунт...
- Но откуда они знали, если никто не спасся?
- Ну вот мать знала, видимо, каким-то образом, раз она ей рассказала а она уже мне сказала. Вот почему я узнал, что это Менцельзон. А так я, ну кто его, поджог и поджог...
- Теперь...
- В 35-м году, когда у них был этот бунт, вот я вам рассказал, и стали притеснять евреев, тогда многие евреи, молодежь, стали выезжать со

Столбцов. И эти вот как раз Менцельзоны оказались, вот ее бабушка, которая рассказала, оказалась с этих вот выбывших, молодежи. В 35-м году выехавших. Ну связь какая-то у них, видимо, была, я ж не знаю.

- Теперь, если я правильно поняла, значит, были два случая, когда вывозили людей из гетто... гетто на расстрел. Сначала женщин, детей и стариков...
- А потом молодежь.
- А потом молодежь. В первый раз, если я хорошо помню, Вы сказали, что там оцепление было немцы и были полицейские, да? А второй раз Вы сказали, что были только полицейские, немцев уже не было.
- Немцев уже не было, да.
- Теперь у меня вопрос такой: как бы Вы могли, что бы Вы могли рассказать об этих полицейских? Что это было?
- Я вам скажу вот что, мое мнение такое. Во-первых, наши городские, с города люди в полиции не было, а в полиции в основном были из деревень. Почему они были из деревень, я не знаю, почему, причины. Но все полицейские были в основном из ближайших деревень.
- То есть это были местные?
- Не местные, не столбцовские.
- Я имею ввиду – это были не немцы?
- Не немцы, нет, полицейские были наши, люди с деревень. Вот одного я даже могу назвать фамилию, был такой Мамонько, и у них было два брата – один был полицейским, а второй пас коров здесь в Столбцах, они не знаю почему-то оказались в Столбцах. И вот он мне, откуда я знаю что... два пулемета стояли и так далее. Его брат дома рассказывал, а этот на пастбище мне рассказывал, а мы вместе

коров пасли. Вот я почему знал, что там было два пулемета и так далее. Потому что там бы самому нельзя было, ну полицейские они были, конечно.

- А этот Момонько, он просто стоял в охране там где были эти два пулемета или он как-то тоже стрелял?
- Ну этого я не знаю, конечно. Он просто видимо там, ну видимо был там, если он дома рассказывал, а этот его брат мне на пастбище, о, вот там было два пулемета, там так и так ставили, и по бровке, толкали в ямы, вот так он уже мне рассказывал.
- Эти полицейские – как они были одеты?
- Черна форма, манжеты и воротники серого цвета.
- Оружие какое было?
- Оружие ну немецкое, было и немецкое, было и итальянское, ведь много было итальянского оружия здесь.
- А как Вам сейчас кажется, ну, примерно, сколько могло быть этих полицейских в Столбцах?
- Посторонок то было, где сейчас этот самый, там было деревянное здание, Посторонок назывался, ну их было человек, человек под 50 было.
- Даже имея ввиду, что они там из деревень, может были какие-то знакомые, вот, полицейские эти?
- Ну вот я ж вам говорю, что вот я одного знаю...
- Только этот?
- А так я х не знал. Вот почему я и не знаю, потому что если бы они были местные, то я ж бы знал бы их. Я с местных то многих знаю. А вот были неместные... Был один местный, столбцовский, по фамилии Орташевич, но его убили партизаны. Он где-то там, не

- знаю, был, партизаны там были, на какой-то свадьбе и его там убили. Это один был, а так все из деревень были незнакомые люди.
- И какая у них была работа, чем они занимались, эти полицейские?
  - Ну, во-первых, их ставили по некоторым деревням как участковых, что ли. Даже был, вот, да, не сказал я вам еще. Здесь вот, по-соседски, жил Подбела, у нас, у меня по-соседски, и его сын – звали его Александр Подбела – был полицейским, но он ездил на... у него был участок деревня тут Ператорки есть деревня, это его был участок полицейский. Но он всегда ездил не верхом на лошади, а на подводе. Почему? Его не трогали партизаны. Оказалось, потом я узнал, что у него была очень сильная связь. Он то был полицейский, но он был у него связь и из-за того, чтобы его узнавали, знали на расстоянии, узнавали, он ездил только на подводе. Лошадь с возом, он – в возе. Вот уже а партизаны знали, что это этот Подбела.
  - А Вам доводилось видеть, как он ездит на этой подводе?
  - Я видел, видел. Он с винтовкой, все, ездил, в форме этой самой черной. А когда вот наши пришли, освободили, так многие удрали полицейские. А те, которые не успели удрать, получили по пять лет тюрьмы. А вот Подбела взяли, не судили его и он пошел в армию, получил там ордена какие-то, все. Поехал, жена его замуж вышла за другого, он уехал на Украину. Вот, съехал отсюда.
  - И все получили только по пять лет?
  - По пять лет. Не знаю почему. Я даже удивлялся, почему им мало дали. Им мало дали. Почему? Потому что они же ходили с оружием, они же участвовали в этих расстрелах и им по пять лет дали – это мало. А вот девушкам – были тут девушки, которые... У немцев было так, если ты девушку поймаешь на улице и у нее нет документа, что она работает, поедет на работу в германию. Так вот,

моей жены отец был церковным старостой и при немцах почему-то его поставили начальником ЗАГСа, и вот когда... А у немцев был такой порядок – если девушка замужем или парень замужний (женатый), то не отправляли в Германию. Вот получилось, что задержат там какую-нибудь девушку, родители узнали – бегут к моему этому тестю, выручай. Этот тесть что делает. Берет на машинке, тогда ж только машинки эти были пишущие, вот, отпечатал быстренько этот документ, что она допустим замужем за таким-то или он женат на такой-то. И вот родители бегут в комендатуру и освобождают своих людей. Вот так помогал он. Ну а потом в 42-м году ему... Ну я вам скажу, что он такие вещи делал, переживал сильно, потому что если бы немцы узнали, так и его и всю семью бы расстреляли. Так он принялся сильно и у него инфаркт схватил и он в 42-м году умер. Вот такие вещи, понимаете, я вам рассказал.

- А Вам доводилось видеть, вот эти полицейские, что они как-то жестоко обращались с населением, местными?
- Ну вот я вам говорю, я же видел как толкали ну в машину. Вот убили этих двух тоже, я так иду и думаю, думаю, ну чего ты за ними побежал, ну посчастливилось им удрать, пусть сбегают. Нет, вот надо ж было побежать, надо было убить, чтоб и напрямую. Это зверство.
- Так если я правильно поняла... Еще чуть-чуть поговорить о полицейских. Значит, правильно я понимаю, что людей в машины подталкивали именно полицейские?
- Да.
- Ни немцы.
- Полицейские.

- Полицейские. Понятно. А тогда еще скажите, пожалуйста, как Вам кажется, какая была мотивация вот этих полицейских вот идти в полицию? Вот зачем это нужно было?
- Просто, видимо приказ немцев, просто видимо они приказ выполняли и, мне кажется, что у них у самих какое-то было такое отношение нечеловеческое. Потому что они очень грубо себя вели. И чувствую себя неза..., то есть защищенными, никого не боясь, выделяли что хотели.
- А что они хотели?
- А что они хотели? Вот, что они хотели? У мужчин, вообще-то, особенно деревенских мужчин, почему-то у них такая мания, любят подраться, побиться, вот, мания такая. Вот Кухарчик тут был, партизан один, тоже, пошел на свадьбу, поругался и убили, а партизаном был. А другой там, вот эти полицейские почему-то тоже обязательно они где-то кого-то побьют, понимаете, вот. Так что это, как вам сказать, ну, просто есть люди, которые с тяжелой такой душой, понимаете, что ему безразлично. Вот я говорю вам, что этих убили, это убегали, ну пусть убегают. Вот я бы был полицейским, посчастливилось, сумели удрать с гетто, как-то там под проволоку или как, ну пусть бегут. Нет, надо вот побежать, надо убить – почему убить?
- А как Вы думаете, у них была какая-нибудь материальная польза от того что они?
- Ну так они ж получали и обмундирование, их и кормили там кухни всякие, все, и они получали деньги, им же платили. Они как и сейчас вот, пожалуйста, деньги получают а ничего не делают, только людей вот гоняют и больше ничего. То же самое. Вот сейчас наша милиция вот, какая сейчас милиция, пойдите у них что-нибудь добейтесь.

- Скажите, а у полицейских было право, скажем, грабить?
- Было, они что хотели выделявали. Было. Они и евреев, которых вот раньше когда в гетто гоняли тоже, они же их грабили. Ведь человек же с собой все на плечи не возьмет, так ведь. В тех домах, которые остались от войны, не сгорели, так в них же все имущество осталось дома. А их гнали в гетто, а это все разграбляли.
- А Вы видели, как они разграбляли?
- Ну, я не видел, но я знаю их поведение. Потому что тех разграбили, тех разграбили, там что-то потащили, там что-то потащили. Это ж говорит о чем-то.
- А люди как. Что люди говорили?
- Люди очень были недовольны, люди. Люди очень были недовольны, потому что очень было все жестко. И вот полицейские вели себя жестко, они не только к евреям, они и к нам тоже. Вот почему меня мать не пускала. Говорит, а то, говорит, убьют. Они могли убить и меня тоже, поэтому я не побежал на улицу.
- А вот Вы говорили, что эти полицейские были из соседних хуторов, да?
- Селения вот эти, деревень.
- Селения. А как сказать, можно ли было видеть, что после гибели евреев, что кто-нибудь, например, разбогател? Ну кроме того, который часы откопал.
- Ну, я вам скажу, что времени мало было, так что если кто и разбогател, так еще было не видно. Потому что строиться тогда еще никто не строился. Так что как определить, что он богатый или бедный, трудно было определить.
- Вот в связи с этим вот имуществом вопрос. Когда евреи шли в гетто, когда их собирали в гетто, Вы видели это?

- Видел.
- Расскажите, что Вы видели. Как это выглядело?
- Ну, во-первых, их как, было объявление написано, все евреи два дня сроку, через два дня должны были быть все в гетто. Ну вот каждый еврей по-своему собирался. А вот написано было – брать с собой только необходимые вещи, все. Вот они брали необходимые вещи, брали и шли. А все, что было дома, допустим, дом не сгоревший, все ж осталось. А то что осталось разграбляли, если не полицейские, так люди разграбят.
- Как Вы видели, что они несли с собой?
- Кто, евреи?
- Да.
- Ну евреи несли с собой клунки, а что в этих клунках я ж не знаю. Клуначки в руках были.
- И они шли вот семьями так вот, все шли?
- Да, когда переходили в гетто, они шли семьями. А потом вот их уже выводили. Даже, между нами говоря, один еврей залез в уборную, спрятался, в гадость эту влез весь и спрятался, и то нашли и убили, так что...
- Кто нашел?
- Ну полицейские, ну там может и немцы были, я же не был там, но я знаю, слышал, что один, значит, вытащили одного с уборной.
- А вот когда они шли с этими клунками, как Вы говорите, Вы видели, вот они идут, да, Вы видели одну семью, или десять семей или сколько? Сколько Вы видели людей, которые конкретно шли?
- Ну так их много шли, потому что гетто было, как я сказал, Почтовая улица, то есть эта Гагарина, угол, а гетто было, а двери были через... около церкви и все шли через эти двери. Так шли и семьями, и

одинокие, всякие шли. Но это тогда еще немцы, погрома не было, так видно ж было, мы же ходили по улицам, видели. Да, можно сказать семьями, потому что одиночки тоже, если кто-то вперед пошел, кто-то сзади, определить, знаете, трудно.

- Ну и, если Вы сказали, что в конце сентября был последний вот расстрел, да, а гетто появилось в начале 42-го года, правильно я поняла?
- Ну.
- Это довольно длинный период, когда они жили в этом гетто. Может, все-таки... А как выглядела их жизнь в этом гетто?
- Жизнь их в гетто была очень тяжелой. Почему? Потому что, во-первых, надо было питаться. Вот евреи, а евреи же земли не имели, это мы вот имели землю и питались с земли, а евреи же с земли не питались. Они же были в основном, занимались торговлей, они только зарабатывали деньги на торговле и с этого жили. Поэтому в гетто их гнали у них провианта даже не было. Поэтому многие... Вот когда идут на работу, а ведь их немцы не возили, их немцы не возили, вот, они ходили сами. Поэтому они идя с работы заходили к людям.